

Через некоторое время он все же решил найти сына в его ментальном пространстве. Похоже, что все действия Курамы остаются в его мысленном ландшафте навсегда. Телепортировавшись туда, где, по его ощущениям, был Курама, Мудрец увидел зрелище, которое заставило его сердце вырываться из груди.

Девять невероятно гигантских красных светил, не похожих ни на одно из тех, что он когда-либо видел. Они были пылающим адом чакр, которые медленно вращались вокруг своей оси и вокруг себя по кругу. Чуть дальше он увидел огромный, как главное солнце, невероятно элегантный дворец с большой вывеской «Пещера человека Курамы».

Он оглянулся, пытаясь найти Кураму, и увидел его под одним из девяти солнц. Он едва различил его, таким он был маленьким в сравнении со светилами. Если бы Мудрец не чувствовал его, он никогда бы не увидел его.

Спустившись вниз, он появился прямо рядом с печально известным Девятихвостым Лисом. У Курамы были нити красной чакры вокруг его указательного когтистого пальца, вытянутого из солнца, под которым он находился. Курама был сосредоточен на нитях, явно неудовлетворенный ими. Время от времени он отрывал свой взгляд от руки, как будто видел что-то за пределами своего разума и смотрел прямо на печать, которая удерживала его.

Вновь и вновь он нанизывал нити себе на ладонь, стараясь сделать их тоньше и чище, чтобы даже для него они были невидимы. Мудрец поразился тому, что контроль над чакрами может быть настолько хорошим, чтобы суметь постоянно так очищать чакру. В течении очень долгого времени Курама только и делал, что работал над нитями чакры. Было очевидно, что он хотел убрать их из поля зрения, а сделать это было нелегко. И все же он был усерден в своей работе, ни разу не остановившись для отдыха или чего-то еще.

Если есть настойчивость и прилежание в труде – придет и успех. Мудрец не сдвинулся с места, он просто наблюдал за сыном, очарованный его новыми умениями. И однажды он услышал ворчанье Курамы, что уже несколько лет тот ничем не занимается, кроме работы над нитями, и лишь теперь он их не видит. Ни один чертов сенсор или белые глаза не смогут их увидеть или почувствовать. Курама ликовал.

Сам Мудрец видел нити, но он должен был признать, что кроме него самого, его близнеца и его матери никто больше не сможет увидеть или почувствовать их.

Курама размялся, потянулся и выпустил тысячи и тысячи нитей чакры из своего мысленного поля и прикованного цепями тела к чреву Кушины. Кушина была еще подростком, не замужем, а он уже готовился.

Затем он стал отсылать другие нити за пределы печати, через тело Кушины. Минато спроектировал печать, чтобы удержать самую большую чакру в мире, печать останавливает и подавляет ее. А как насчет скудного количества чакры? Это так мало, что никто не увидит и не почувствует обычными средствами мира шиноби того времени. Как и все остальное в мире, печать не была совершенной.

Мудрец не понимал действий своего сына и был озадачен. Зачем вторгаться в женскую утробу? Он мстит? Мудрец не мог этого допустить. Он считал, что Курама не знал, что его тюремщик является матерью обещанного, поэтому переживал и решил, что понаблюдает. И если что-то пойдет не так, он восстановит чрево женщины. Но Курама больше ничего не делал, он просто оставил свои нити там и переключил свое внимание на те, которые посылал. Он явно что-то или кого-то искал.

В течении нескольких дней Курама манипулировал нитями, которые продолжали тянуться из живота Кушины, но не находил то, что искал.

- Черт возьми, я думал, что они лучшие друзья. Где же она, черт побери! Похрен, у нас еще тьма времени! – бормотал Курама.

Курама закрыл глаза и впал в полудрему, но уши его наострились и чутко прислушивались ко всему, что происходило вокруг Кушины. Мудрец последовал его примеру и мысленный мир погрузился в полную тишину. Терпение было одной из величайших добродетелей Мудреца и он не спешил. Похоже, его подопечный не делает ничего, кроме как шпионит за своей игрушкой.

Шло время, и однажды Курама услышал то, что ожидал услышать из орущего рта Кушины:

- Микото-тян!

Зверь подскочил как по команде и маниакально ухмыльнулся:

- Наконец-то мои сучки в одном месте, - сказал он.

Мудрец покачал головой в ответ на выходки сына и брань, придется его потом наказать. Так кто же так взволновал Кушину? Мудрец наблюдал, как Курама направлял тысячи своих нитей прямо в ее черноволосую подругу, делая с ней то же, что он делал с утробой Кушины: проник в утробу Микото и окружил ее таким же количеством своих нитей из чакры. Затем он взмахнул своей когтистой рукой и прервал прямой контакт с нитями внутри Микото, подключив их к ее собственной сети чакр, чтобы сохранить их.

- Теперь ты от меня никуда не убежишь, - сказал Курама с маниакальным смехом. Просмеявшись, он продолжил – Так лучше. Больше не будет другой Микото с черными волосами.

«Кто эта женщина? Кажется, она потомок моего заблудшего беспокойного ребенка. Что же ты делаешь, Курама?», подумал Мудрец. Он закрыл глаза и сосредоточился на том, кто эта женщина для его сына. Затем его глаза широко раскрылись от удивления и он хмуро уставился на Кураму. Он схватил один из своих шариков для поиска правды и повернул его к своему сыну. Он перебарывал себя, чтобы не ударить того по голове и не преподать ему урок, прочитав длинную лекцию на тему уважения и благочестия. Он удивлялся, как, черт возьми, Курама узнал, что она является матерью-реинкарнацией Индры? Сам мудрец не удосужился узнать об этом! Это не совпадение, что Курама держал в своих руках обе реинкарнационные матки.

Мудрец пытается успокоиться, вспоминая то время, когда он наблюдал страдания Курамы и не вмешался. Ему нужно верить, он будет просто наблюдать и доверять своему старшему сыну. Придя к этому решению, он услышал голос Курамы:

- Как теперь скрыть это от старика? Старый козел определенно почувствует это, когда я выполню свой план. Если он будет ослеплен моей красной чакрой, что он сделает? Добавит цепей в мою тюрьму? Сейчас мне нечего терять. – сказал Курама, не подозревая, что рядом с ним стоит его отец.